

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/3717069>

Запах ацеласа

Направленность: Джен

Автор: Тетя Циля (<https://ficbook.net/authors/663923>)

Фэндом: Толкин Джон Р.Р. «Властелин колец»

Рейтинг: G

Жанры: Драма, Hurt/comfort

Размер: Мини, 4 страницы

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Если голова болит, значит, она есть, а в ней есть мысли и воспоминания...

Посвящение:

Профессору за дивный мир!

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Текст написан для команды JRRT на Фандомную битву 2015.

Огромное спасибо Morane за редактуру.

В некотором роде, сцена из первой части Итилиенской Хроники

<https://ficbook.net/readfic/1892852>

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

В детстве для Арагорна запах ацеласа означал, что у матери снова болит голова.

Он сам заваривал лекарство и видел, как от свежего аромата из полузакрытых родных глаз уходит дымка страдания, серый взгляд проясняется, обретая привычное ласковое выражение. Он был рад помочь матери, и когда натыкался в лесу на невзрачные листочки, собирал их, растирал в пальцах и думал о ней.

Позже запах ацеласа стал символом чуда исцеления. Символом победы не только над болью — над самой смертью. Тогда Арагорн начал прикасаться к серебристому растеньицу с благоговением и нежностью, восхищаясь могучей силой, скрытой в тонких стебельках, украшенных мелкими цветочками. Запах растертых листьев стал для него запахом самой жизни, чистого света со всеми его чудесами.

А потом пришел день, когда в этом запахе сосредоточилась единственная надежда десятков и сотен людей. Единственная надежда тех, у кого на руках умирают их близкие.

Для них надежда была в руках Короля. Для него — в свежем аромате серебристых листочков, растертых в пальцах и брошенных в кипящую воду. Не он, а ацелас спас многих.

С того страшного дня запах ацеласа смешался для него с тошнотворными запахами крови и пожаров, с вонью прижженной каленым железом плоти, со звуком стонов раненых и видом женских слез.

И среди всего этого запах ацеласа оставался чистым и свежим, и таким же казался Король тем, кто возложил на него в тот день все свои надежды. Никто из них не догадывался, насколько Король не был чист и свеж.

Запах ацеласа. Провалившиеся глаза, обметанные лихорадкой губы и кровь на полотняных повязках. Та же кровь, которая пятнала руки Арагорна на Амон Хен.

Кровь того, кто годился ему в сыновья. Того, кто был расстрелян сотней врагов у дерева на границах родной страны. Той самой страны, которую Арагорн клялся защищать задолго до его рождения. Кровь того, на кого он бросил когда-то свой народ — и кого он никогда больше не увидел, ни живым, ни мертвым. Кровь той, которая ушла, обессилев в безнадежной борьбе с Тьмой, окутывавшей их страну.

Кровь их всех застывала в жилах последнего из рода — того, кого еще мог спасти ацелас.

Запах ацеласа. Золотые прядки вокруг воскового лица девочки, которую Арагорн так неосторожно поманил мечтой, которой он говорил ласковые слова, думая, что жалеет ее, — но вместо этого толкнул к гибели.

Сломанное крыло белой птицы, синеватые лунки ногтей на тонких пальцах. Бескровные губы. С них когда-то слетели слова любви, которые он выслушал и не нашел ответа.

Ацелас спас ее от смерти, но что спасет ее от отчаяния?

Запах ацеласа. Невнятный бред маленького друга, которого Арагорн едва не утратил по собственной глупости. Нашел чудом — и оставил вновь, уже добровольно, обрек на ужасы войны и сражений вместо его тихой и теплой норки.

Ацелас спас его жизнь, но спасет ли он его любовью к жизни?

Запах ацеласа. Свет на лицах Хранителей, на когда-то круглощеких и веселых, а ныне — обглоданных невыносимыми тяготами их пути и долга лицах. Тяготами пути и долга, от которых они избавили всех, в том числе и Арагорна.

Ацелас поможет им подняться на ноги, но они и так уже неизмеримо высоко, в недостижимой чистоте и свежести своего подвига.

Нет, сам Король не чист и не свеж. В ацеласе скрыта могучая сила, которая спасла многих. Но для него запах ацеласа станет отныне запахом потревоженной совести...

Он вдыхает теперь этот запах и даже не пытается открыть глаза, ожидая приступа боли в голове и дурноты и слабости во всем теле.

Перед мысленным взором его скользят картины.

Денетор, спокойный, сосредоточенный, презрительным взглядом проводивший его когда-то за пределы Гондора.

Искреннее удивление в ясных глазах Финдуилас.

Боромир, лежащий с обломком меча в руках и десятком стрел в теле у дерева, на краю родной земли.

Доверчивая улыбка Фарамира — улыбка человека, еще не определившегося, жив ли он или все-таки умер.

Эовин на коленях, со слезами в глазах и мольбой во взоре.

Белое, как бумага, лицо Мерри.

Фродо и Сэм — беспомощные тела, на которых нет живого места от ссадин и ожогов.

Десятки других, раненных, искалеченных, плачущих от горя или от благодарности...

Боль разламывает голову, ввинчивается в глаза изнутри, заставляет метаться по подушке в поисках облегчения — но от этих движений становится только хуже.

Запах ацеласа усиливается, и вдруг легкая рука протискивается под спину и приподнимает с подушки. Под головой — теплое плечо, у губ — край котелка с отваром.

— Ну-ка, попей, — предлагает ему на ухо голос Эовин.

В этом голосе больше нет мольбы. В нем приказ и непреклонная воля.

Стоит Арагорну отхлебнуть, как она ловко убирает котелок, не давая подавиться. Шепчет ласково:

— Вот и умница. Еще два глотка — и спать.

Укладывает его, привычным движением подсовывает что-то под голову, кутает в одеяло.

На лоб и глаза ложится холодная влажная тряпка, и сразу становится легче.

— Вот так, — говорит Эовин куда-то в сторону. — И чтобы полная тишина.

— Слушаюсь, — весело отвечает ей Фарамир совсем рядом.

Целитель в голове говорит Королю, что Фарамира должно сильно знобить после укусов варгов. Да и по голосу слышно, что ему скверно.

Арагорн отваживается повернуть голову и посмотреть из-под тряпки.

Князь Итилиена сидит на постели, закутавшись по уши в одеяло, и баюкает правой рукой перевязанную левую. Улыбается, глядя за спину Арагорну, туда, где раздаются легкие шаги княгини Эовин.

Она подходит к мужу и протягивает ему котелок с остатками отвара. Наклоняется и касается губами лба:

— Выпей-ка и тоже ложись. У тебя жар.

Пока он пьет, Эовин накидывает полушубок, расправляет шерстяной платок на плечах.

— Я пойду к остальным, — говорит она, улыбаясь, и шутливо грозит пальцем. — Чтоб, как вернусь, вы уже спали. Добрых снов!

Фарамир ловит ее ладонь и кладет себе на щеку. Она улыбается еще шире, гладит его по лицу, заправляет за ухо волосы. Потом отнимает руку, толкает его в плечо и ворчит:

— Ложись, кому сказано.

Выпрямляется и бесшумно исчезает.

В тусклом свете догорающих теплых углей Арагорн видит ясные глаза Фарамира. В них больше нет слепой доверчивой преданности, разве что веселое сочувствие...

— Спасибо, что вытаскил, — шепчет Король и тянет руку над углями навстречу другу.

Князь Итилиена тихо фыркает:

— Я был должен тебе.

— Вряд ли последний раз считаемся...

— Ш-ш-ш, все потом. Целители сказали — спать, значит, будем спать.

Их крепкое рукопожатие оказывается коротким: от углей все-таки поднимается жар. Оба смеются и дуют на обожженные ладони.

В шатре тепло. Темно. Тихо. Боль отступает, стирается даже воспоминание о ней.

И запах ацеласа снова становится просто запахом лекарства от головной боли...